

18+

Территория Творчества

И вновь...

Январь

2020

Девятъ Жизней

Валентина Спирина

Январь. Девять Жизней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50437323

ISBN 9785449817952

Аннотация

Вся самая вкусная, интересная, захватывающая проза и поэзия наступившего года – лучшее творчество от ведущих авторов Территории Творчества, на самый взыскательный вкус. Полюбившиеся уже имена, знакомые вам с самых первых выпусков, и новые авторы нашего проекта (но не новички в писательском мире) – это всё ожидает вас на страницах первого в этом году сборника «Январь. Девять Жизней».

Содержание

Территория Творчества	6
Январь	7
Бутон Зимы – пушистые снега	8
Пойду – следы оставлю на снегу	9
И на камнях цветут цветы (Сказка о Музыканте)	10
Птицы замерли	14
А у нас за окном – снег	15
Я, любимый, раньше бежала	17
Знаешь, у сердца есть только одна дорога	19
Я когда-нибудь захочу вязать...	20
Издавека...	22
Вы думали роскошь – в квартире трёхкомнатной	24
Мыслей-тараканов тесто многоэтажное	26
Минуты без тебя тянутся	28
Подарок судьбы	30
Что бы мне отправить в космос	32
Анти этикет	34
Жил-был почтенный господин	37
То близок час...	39
Диджей	40
Вятский иммунитет	42
Мартирос Сарьян	43
Диалог Луны и Поэта	53

Вернитесь, дни былые	56
Цветы запоздалые	58
Чехов. Люблю, высоко почитаю!	60
Фольклор	62
Соседний дом	64
Леди Моль	66
Ушла	68
Тяжела ты, лампа Аладдина	69
Не согрет	71
Смекалистый мужик	72
Я так устал...	74
Я звёзды считаю	76
Харон	77
Дом напротив	84
Блокадный Ленинград	86
Сидели мы с подругой в ресторане	88
Арнольд	90
Жизни отдавали	92
Я фаталист и эзотерик	93
Как искал я источник добра	95
Поближе к искусству	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Январь

Девять Жизней

Валентина Спирина *Редактор*

Валентина Спирина *Дизайнер обложки*

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-1795-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Территория Творчества

<https://vk.com/territoriyat>

Январь

Marcus Denight

И вновь январь – и первая строка
Сорвется с уст, звучат не умолкая
Метель и выюга, скована река
И сыплет снег слепя, блестя, сверкая.

Порыв души уже который год
В себе таит мир красочных мечтаний,
Но чередой былых очарований
Лишь буйный хлад давно в себе несет.

И с легкой невесомостью своей
Коснется иней в сумраке ветвей,
Как синевой подернув всё кругом.

Сокрыт Зимы в том трепетный секрет:
Она всегда – начало всех надежд,
Перворожденье на пути моем...

Бутон Зимы – пушистые снега

Marcus Denight

Бутон Зимы – пушистые снега,
Гонимой дымки легкой оперенье.
Как ощутимо каждое движенье,
Как белоснежны дали берега!

Лазурь небес – обитель чистоты,
Средь синевы столь часты просветленья,
К ним устремляю взор без сожаленья —
И застывают зыбкие черты.

Мой давний образ – чаще посещай
Тот неразгаданный и одинокий край
Моей печали броской вздыханной.

Лишь отниму у прожитых времен
Воспоминаний долгий зимний сонм,
Порыв прохлады яркой и неожиданной...

Пойду – следы оставлю на снегу

Marcus Denight

Пойду – следы оставлю на снегу.
В ладонь насыплю горсточку снежинок,
К седым вихрам заснеженных травинок
От суеты назойливой сбегу.

Воспоминаний ворох навлеку
На лист души, исчерканный годами.
Свет белизны, хрустящий под ногами,
Нагие клены смотрят на реку...

На горизонте замер серый лес,
Роняет солнце предзакатный блеск —
Не налюбуюсь на своём веку...

Зовущей дали незабвенна суть!
Переходя на бег, продолжу путь,
Свои следы оставив на снегу...

И на камнях цветут цветы

(Сказка о Музыканте)

Валентина Иванова

Далеко – далеко... Там, где бескрайний океан холодными волнами обнимает берег... Там, где высокие старые горы держат на каменных плечах небо... Жил Музыкант...

Всю жизнь, изо дня в день, по крупице он собирал в свою копилку звуки: крики птиц, шепот волн и ветра, шелест травы и листьев, шорох дождя и звон капель. Он знал и понимал язык облаков, молний, туч. Музыкант слышал, о чем говорят маленькие камешки на берегу.

Его музыка была невероятно красивой, но не совершенной. В ней было всё: каждая прожитая минута, каждый пройденный шаг, каждое движение тела, смена дня и ночи, смена времен года и многое – многое другое. Только одного не было в его музыке. Тепла. Ибо, не знал музыкант, что такое тепло. И это не давало покоя Музыканту. Однажды, забравшись на вершину самой высокой горы, Музыкант закричал, обращаясь к небу:

– Как? Как мне найти новый звук? Как мне добиться совершенства в музыке?

Ветер рвал на нем одежду, снег сделал белыми его волосы, но Музыкант не чувствовал ни боли, ни холода. И то-

гда солнце выглянуло из-за туч и тонким лучом указало ему на грудь, там где было сердце:

– Впусти в свое сердце Любовь! Открой свое сердце для чувств и новая музыка сама придет к тебе. – прошептало Солнце и снова скрылось за темными тучами.

– Любовь? А что это такое? Как я узнаю, что это и есть любовь? – кричал Музыкант в небо, но небо молчало.

Проходили дни, недели. Каждый день Музыкант обходил побережье, забирался на гору, слушал ветер, но ничего нового для себя не услышал.

И вот, когда он уже отчаялся найти новые звуки, на тропинке, ведущей к горному роднику, Музыкант встретил девушку. Девушка была самая обычная, не красавица, не уродина. Но для Музыканта она была самой красивой, ибо она была единственная.

Девушка прошла мимо Музыканта, улыбнулась, набрала в кувшин воды и ушла, а Музыкант долго глядел ей вслед и чувствовал, как внутри, там, где сердце, разливается необычное тепло.

И решил Музыкант во что бы то ни стало дожидаться возвращения девушки. В ожиданиях проходили дни. Музыкант за это время своими руками сделал удобный мостик к роднику, разобрал завалы камней, убрал колючие кустарники. Руки, до этого момента не знающие физической работы, болели и были изодраны до крови, но Музыкант не обращал внимания на боль.

И его ожидание и труд были вознаграждены: в один из дней он снова увидел девушку. Она подошла к роднику по мостику и на лице её отразилось удивление. Музыкант стоял в стороне от тропы, опустив руки, с которых капала кровь. Он любовался девушкой, изгибом её тела, её волосами, каждым её движением. Девушка заметила Музыканта и улыбнулась ему. Странное чувствохватило Музыканта, словно огромные крылья выросли за спиной. Очень осторожно, чтобы своим действием не испугать девушку, Музыкант сделал первый шаг, потом еще один и еще... Девушка заметила кровь на руках Музыканта, поставила кувшин, подошла к мужчине, взяла его руки в свои маленькие, хрупкие ладони и... стала целовать каждый пальчик на руках Музыканта. Тепло накрыло его с головой, а потом все тело охватило жаром.

Мир вокруг завертелся, закружился в бешеном танце. А когда Музыкант пришел в себя, девушки рядом не было, но чувство тепла осталось с ним. А вместе с чувством пришли новые звуки: её шаги, её смех, её голос, даже тепло её губ приобрело свой звук. И тогда Музыкант понял, что это пришла Любовь. А когда родилась новая музыка, среди холодных камней появились первые цветы, колючие кусты покрылись нежно-зелеными листочками, море стало таким теплым, что Музыкант снял обувь и долго-долго ходил по берегу.

А звуки всё нарастали, с каждой минутой их становилось

всё больше и больше, а музыка становилась всё насыщенней, стремясь к совершенству.

Девушка стала приходить каждый день. И однажды она осталась, чтобы больше никогда не уходить и не расставаться с Музыкантом.

Птицы замерли

Светлана Королева

Птиц не слышно уже почти, клювы, да чемоданы сложили
на юг. Юг. Юг.

Ну а ты. Сложился в чемодан осенних надежд. Друг.
Друг. Друг.

Лес полудремлет. Готов отдаться в лапы скорбящего
октября. Зря. Зря. Зря.

Ну а мне. Ну а мне не хватает. Родного плеча. И тебя.
Тебя. Тебя.

Пересплю со сложенным на потом фиолетовым летом.
И не скажу об этом. Этом. Этом.

Перемолю. Перерисую свою собственную зарю. Светом.
Светом. Светом.

Птицы замерли. Лес притих. Лето в засаде. В аде. В аде.
В аде

Бродит мой полусломанный стих. Не подчиняясь правде.
Правде. Правде.

А у нас за окном – снег

Светлана Королева

А у нас за окном – снег
В белых рубашках пустил плясать
свои запоздалые кристаллы.
Милый, я знаю, что ты усталый.
Что измотал до безумия наш бесконечный бег
Из одной реальности совершенно в другую.
Ну а я не скучаю. Нет. Я уже громко, но молча тоскую.
Кончились слезы из берендеевских рек.
И начался снег.

А у нас за окном – снег.
И я знаю точно – совсем скоро- мы будем стоять вместе.
За этим окном.
И слушать снежные песни,
Завьюженные, закруженные. И нам ничего не будет
стоять —
Глазами радоваться. Руками – любовь держать. И тепло
Разливать. По чашам души-нег.
Любимый, у нас за окном снег.

А у нас за окном – снег.
И он покрыл не только землю, терпеливо-строгую.
Он покрыл все печали мои с тревогами.

Законсервировал страхи. Выкрасил ярким светом –
ночную слабость-одиночества.

Знаешь, родной, в это белоснежное время хочется
Лишь улыбаться. Мечтать кистью-сердца в самом
большом размахе.

И тебя – внутри хранить, как оберег.

А у нас за окном – снег.

Я, любимый, раньше бежала

Светлана Королева

Я, любимый, раньше бежала
От себя до себя.
От вокзала и до вокзала.
От сентября и до сентября.

Я, любимый, раньше пытала
Свою душу в тёмном углу, разбирая на части.
Находила смысл и тут же его теряла
В бесконечно-прожорливой гонке-пасти.

Я, любимый, раньше искала
Лишь своё среди отголосков чужого,
И другим своё время растерянное прощала,
Не готовя себя для чего-то большого.

Я, любимый, всегда считала,
Что несчастны те, кто не видел на празднике жизни успех.
Ох, любимый, да если б я знала,
Что мой праздник – в каждой вибрации твоего смеха.

Я, любимый, дышала раньше
Только воздухом. Представляешь?
А теперь, мой любимый, ты знаешь,

Что мой воздух – ты. И простое счастье без фальши.

Я, любимый, теперь бегу

От себя до тебя. Не иначе.

И когда объятия твои остановят мою пургу,

Во мне каждая струнка расслабится

и от любви жемчугом чистым заплачет.

Знаешь, у сердца есть только одна дорога Светлана Королева

Знаешь, у сердца есть только одна дорога,
На ней – и боль святая. И фонари не гаснут никогда.
И знаки разноцветом – кистью Бога,
И правда – так невинна, и наивна, и чиста.

Знаешь, а счастье вовсе – не тысяча лиц,
Не тысячи, что карманы едят, шурша и мято,
А счастье – в родных руках. И в свежести новых страниц,
И в чае. Который с любимым. С лимоном и мятой.

Знаешь, дорога у сердца только одна.
Переплетения, обстоятельства, расставания
и преграды...
Мне не страшны. Ведь на моей улице праздник – весна.
Твоих объятий тепло – как самая лучшая жизни –
награда.

Я когда-нибудь захочу вязать...

Светлана Королева

Я когда-нибудь захочу вязать...

Да, о Боже, я захочу вязать!

Я улягусь старенькая в кровать

С видом мудрости великой и теплоты.

Ну, а рядом пуховое одеяло делишь ты:

Тот же ласковый, нежный, добрый и с полувзгляда мой
до счастливой яркости простоты.

Я когда-нибудь захочу сажать огород...

Да, о Боже, я захочу сажать огород!

Чтобы внуков угощать помидорами целый год

И закатывать банки запасливо и с душой,

Ну, а ты-любимый, будешь смеяться со мной

И болтать-болтать-болтать обо всем, ни о чем...

Наперебой.

Я когда-нибудь буду печь огромные пироги...

Да, о Боже, я буду печь огромные пироги!

И устраивать по-семейному вкусные четверги!

Ну, а ты – родной, подшучивать над моей суетой,

И над тем, как напыщенно-важно бываю я занятой,

И над тем, что убежавшее тесто я называю бедой.

И это «когда-нибудь» непременно случится с нами...

Да, о Боже, это точно случится с нами!

Мы любовь через всю жизнь! И с любыми ветрами!

Мы – единое, милый! Давно уж семья сердцами!

Издалека...

Светлана Королева

Издалека... Жизнь так наивна и так легка,
Словно крылышко мотылька,
Кажется, так прозрачна, что если коснётся рука —
Вмиг осыплется и разлетится серебряной пылью.

Воздухом тёплым согрета
Каждая ледяная доселе планета
Жизни. И может быть где-то
Сказка так просто становится былью.

Только поближе чуть-чуть,
Повнимательнее взглянуть,
Жилками-переплетенными-нами истоптан путь.
Жизнь не наивна. И не пускает слезу крокодилью.

Это блек-джек. И это пустая мель.
Это горечь кофейная, оттеняющая карамель.
И февраль, костлявыми лапами обнимающий нежный
апрель.

Жемчуг из слез на шее тоски,
Ниспадающей в декольте. Марш-броски
Ползком. С рюкзаком. Зыбкие и сыпучие счастья – пески.

И карусели-чувств. То закружились, то загорелась кнопка
стопа,
То подавилась от зависти всем разноцветом Европа,
То потерял самолёт самого классного лихача-пилота.

Жизнь так невинна и так легка,
Но это только издалека.

Вы думали роскошь – в квартире трёхкомнатной Светлана Королева

Вы думали роскошь – в квартире трёхкомнатной
В центре, бентли и куче приятелей?
В коттедже шикарном,
У моря который просит волны?
В кармане, весьма отяжелевшем
Бумагой и золотом полным?

А роскошь – в любую секунду
Упасть в теплоту любимых объятий.

Вы думали жизнь многоцветна
От цвета стопок зелёных?
И безгранична яхтой,
Плывущей к личному острову?
Попробовать всё: неординарное,
Смелое, острое...

А жизнь разноцветна от блеска глаз:
самых родных и влюблённых.

Вы думали радость – икрой набитые животы,

Шампанским – самым крутым на свете?

Со снежных гор курортных

Модно катить на лыжах?

И быть к Эвересту ногами все ближе и ближе...

А радость – смотреть, как улыбаются наши дети.

Мыслей-тараканов тесто многоэтажное Светлана Королева

Мыслей-тараканов тесто многоэтажное
Месится
От месяца
И до полной луны.
На земле мне без тебя
Не находится места,
Без тебя – не высекается
Важное.
Без твоей руки – двадцать градусов ниже зимы.

Помоги отбросить к черту
В котлован,
То, что шелухой у ног
Мудрости стелется,
И во что по глупости верится.
Проведи дорогой, той которой ходит Бог,
И его ангелов – караван.

Пополам. Не иначе. Если жизнь одна,
То надвое. Без вариантов.
Без прицела,

В цель и цело,
Я давно тебя молитвами для себя захотела,
Для меня тепло от глаз твоих —
Шире всеобъемлющего свежего марта,
Для меня ты и есть – вечновлюблённая весна.

Будь скорее рядом.
И тогда
Паузой – цунами, землетрясения, смерчи-вихри,
Мысли-тараканы стихли...
Только ты. И ничего не надо.

Минуты без тебя тянутся

Светлана Королева

Минуты без тебя тянутся и тянутся, как небоскрёбов этажи,

А дни – московской пыльной суетой съедаются в ленивой времени-пасти,

Проблемы – очередь автоматной, мысли – виражи

В безумстве разума кричащего, в его бетонной власти.

Дыхание – отрывисто. И жизнь – полистирольная плёнка,
Простые вещи – извергают простотой, а сложные – для понимания густы,

А радость в маленьких ладошках прошлого-ребенка:

Не здесь и не сейчас. Искать её за три версты.

И если тишина, то без тебя она наполнена криком,

И если крик, то без тебя – бессмыслием полон он,

Мир сер, забыт, забит, не окрылен и не влюблен,

Враждебным воем, ливнем, камнепадом, рыком...

Но... Если ты со мной, то ласков гром,

И молния рисует в небе наши имена,

Не делится Вселенная. И не страшит упрямый сатана,

А только Бог – улыбкой в сердце, если мы вдвоём.

И если пальцы сплетены рук, то расстилается податливо
дорога,

А в сердце ритм – мелодия, поющая птицами райскими,
Растают боль, уныние, печаль, тоска, тревога,

И дни наденут платья солнечные, яркие, майские.

С тобой, любимый, я живу: так просто, радостно,
счастливо, многовыше,

С тобой, любимый, каждая секунда – фейерверки
наслаждения,

С тобой, любимый, я могу летать, не отрывая ног
от крыши,

С тобой, любимый, я – сейчас и здесь. Твоё
стихотворение.

Подарок судьбы

А. Кухтевина

Мне советуют подружки
Взять и милого забыть,
Словно это всё игрушки
И не надо так любить.

Он ни капли не ревнует:
Целые кругом столбы,
А другие за такую
Смело расшибают лбы.

Как глаза его искрятся,
Вечно любовалась бы.
Вновь ведёт он целоваться
Под берёзы и дубы.

И теперь я точно знаю:
Слышал Бог мои мольбы.
Ни на что не променяю
Сей подарочек судьбы!

Пусть завидуют подружки!
Я так счастлива, а он
Только что шепнул на ушко,

Что опять в меня влюблён.

Что бы мне отправить в космос

Наталия Варская

Что бы мне отправить в космос,
Будь оказия такая?
Да, подобные вопросы
Я не каждый день решаю.

Я хочу отправить водку!
Гуманоид выпить должен
И тогда, прямой наводкой,
Наш контакт вполне возможен.

Вот биткоин не отправишь —
Ни пощупать, ни понюхать.
С водкой лучше понимаешь
Кто чужак, а кто братуха.

Не идут на ум другие
Варианты, что б железно.
Пусть найдутся и такие,
Что решат, что бесполезно

На таких, как я решенье
Возлагать в масштабах мира.
Только вот, моё почтение,

Ваши речи для кефира.

Наша водка – наша гордость!

Отражает все нюансы.

Без неё не сможет Космос

В нашей жизни разобраться.

Не понять ему без водки

Нашу речь и положение.

Только с водкой путь короткий

К апогею уважения.

Анти этикет

Наталия Варская

Степан ненавидел правила хорошего тона.

– Лицемерие! Враньё! Маскировка! – говорил Степан, когда видел дежурные улыбки, слышал в ответ на свой телефонный звонок: «Рад тебя слышать, но, прости, сейчас не могу говорить.»

Степан будто ждал, чтобы ему сказали:

– Да не лезь ты со своим общением! Достал! Иди ты...

– Я правду люблю! – говорил Степан и всегда высказывался прямо и нелицеприятно. – Что-то ты, мать, располнела, жрать надо меньше! Что-то ты, братишка, совсем под каблук залез к своей гримзе. Самому-то не тошно?

Из-за этого окружающие считали Степана человеком неприятным и по возможности избегали с ним общения. Избегать старались мирно, без объяснений.

Тогда Степан чуть не подкарауливал бывших друзей и спрашивал в лоб:

– Что это ты меня избегаешь, нос воротишь? Нет, ты объясни, я жду!

Добившись, наконец, грубости в свой адрес, Степан вздыхал с облегчением и говорил сам себе:

– Так я и думал! Нет в мире настоящей дружбы!

Бывало, разговорится Степан с новым знакомым за пивком с рыбкой:

– Весь этот этикет враги народа придумали, ещё при царе. Не для того революция была, чтобы эти пережитки в новую жизнь тащить. Не хочешь общаться – так прямо и скажи, не уворачивайся. А то в лицо улыбаются, а сами видеть не хотят. Я вот если кого видеть не желаю, так и говорю, что бшёл по известному адресу. Или вот в гостях смотреть тошно: я же знаю, что Лёшка дома почти всё руками ест, а тут у Петровых сидит с ножом и вилкой, как порядочный, культурного из себя изображает. Я так ему прямо за столом и сказал, что нечего из себя строить незнамо что. Так он с тех пор со мной не разговаривает. Или вот в интернете виртуальные друзья.

Одному пишу: «А что это ты на мои комментарии не реагируешь? Западло, что ли?»

А он отвечает: «Простите, времени нет, но вас уважаю».

Я: «Нет, не ври, не уважаешь ты меня. Так напиши, за что?»

А этот малахольный просто от меня отписался и всё.

Что за люди! Надо в школах уроки по анти этикету ввести, чтобы детей учили правду в лицо людям говорить. А то растим поколение лицемеров и трусов.

Собутыльник слушал Степана молча, поддакивал и думал: – Пожалуй, больше с ним пить не буду, уж очень озлобленный мужик, неприятный. И на другой день, встретив Степана во дворе, этот вчерашний приятель сказывался занятым

и быстро проходил мимо.

«Вот, ещё один!» – думал Степан, а иногда бежал за таким знакомым и требовал: «Нет, ты правду скажи! Неприятен я тебе? А почему? Ты обоснуй!»

Таким вот принципиальным и честным человеком был Степан, а правда нынче не в чести.

Жил-был почтенный господин Наталия Варская

Жил-был почтенный господин
Был уважаем он на службе,
Ни с кем компаний не водил
И близкой избегал он дружбы.

Держал дистанцию с людьми,
При этом вежлив был, приличен,
Но знали вы бы, чёрт возьми,
Как был тот господин двуличен!

Обычно в пятницу он пил
Не чай, а водку вместе с пивом.
Коньяк и виски не любил,
Ему от водки лучше было.

И вот тогда, захорошев,
Он выходил в рунет, как в море,
И всё что было на душе,
Писал и было там такое,

Что повторить я не могу.
Всё это слишком неприлично.
Писал он другу, и врагу,

И в группы, и, конечно, в лички.

Он оскорблял людей, как мог,
К любым постам он придирался,
Его сумбурный, грубый слог
Конечно, странным всем казался.

Он не под именем своим
Завёл страничку в Инстаграме
И там, пиратствовал, бродил,
И всех честил, как хам, по маме.

А в понедельник молодцом,
С портфелем, в галстучке красивом,
Являлся с выбритым лицом
В свой офис, улыбаясь криво.

Таких полно, не он один,
И распознать их нереально.
На что так зол сей господин —
Какая-то большая тайна.

А тайну ту открыл бы нам
Лишь психиатр в Инстаграм.

То близок час...

Алексей Воднев

Когда грызешь в ночи подушку,
Когда в морозы сердцу душно,
Когда ты черств и равнодушен,
То змей болезни рядом кружит.

Когда сумбурность постучалась,
Когда от легкости лишь малость,
Когда растет к себе та жалость,
То вновь похмелье и закралось.

Когда ты слышишь сокращения,
Когда в ночи сверлят видения,
Когда к другим и нет прощения,
То близок час, когда затмение!

©... #А_Морозов ... —» ... ~ М ~...
31.01.2020.

Диджей

Наталия Варская

Друг пригласил меня на свой День рождения в ресторан. Заведение расположилось в одном спальном районе столицы и, судя по всему, было не очень-то посещаемым. В большом зале находилась только наша компания – двадцать человек. Мы даже обрадовались, ощущение было такое, будто Гришка, виновник торжества, арендовал весь ресторан.

Сначала мы не могли наговориться, так как видимся не часто, произносили тосты, поднимали бокалы, но потом захотелось, чтобы «душа свернулась, а потом развернулась», захотелось музыки и танцев.

И только тогда я заметил, что музыка есть и есть даже диджей. Звучал Шопен. Я ничего не имею против классики, но для ресторана это не очень подходящий выбор. Видимо, диджей был фанатом фортепианной музыки, несмотря на свой молодой возраст. Вслед за Шопеном зазвучал Чайковский, за ним Лист. Когда дошло до Баха, я подошёл к этому любителю классики и сказал:

– А есть у тебя что-нибудь более весёлое, чтобы поплясать было можно?

– Пятьсот рублей – трек, – ответил наглый «классик».

Видимо, он решил, что мы достаточно выпили, чтобы на-

чать сорить деньгами и нарочно донимал нас «Шопенами».

– А не дороговато ли? – возразил я.

– А что я буду здесь – за копейки торчать? – ответил наглец.

Такие деньги не хотелось платить из принципа.

Настроение у сидящих за нашим столом стало портиться, уж очень хотелось движения, а танцевать «Танец маленьких лебедей» мы были ещё не готовы.

Вероломный диджей, увидев, что мы не спешим брать «лисы лапки за бешенные бабки», включил звон колоколов. Видимо, следующим номером программы можно было ожидать похоронный марш.

Я думал: «Вот дурак! Поставил бы музыку нормальную, мы бы пустились в пляс, выпили бы больше, развеселились, а когда диджей засобирался бы домой, мы легко и радостно оплатили бы своё дальнейшее веселье».

В результате мы решили переместиться в ночной клуб и потанцевать там, а диджей, злобно на нас поглядывая, сворачивал аппаратуру.

Из такси я увидел сгорбленную фигуру диджея, его стоптанную обувь и выдавшую виды куртку. Парень шёл к метро.

Вот пожалеть его или вспоминать недобрым словом за попытку испортить праздник, за алчность и глупость?

Я не знал, что было бы правильнее, но мне было его жалко.

Вятский иммунитет

Алексей Логинов

Любопытна и отважна,
Я отправилась в Китай.
Эпидемия? Не важно!
Мне билетик только дай!

Я Китай люблю до гроба!
Требовать не вздумай ты,
Чтобы я из-за микроба
Отказалась от мечты.

Ты не думай, я же сразу
Вискаря бутыль всосу.
Чужеземную заразу
Я домой не привезу!

Пусть терпилы ходят в масках
И от ужаса дрожат,
Я воспитана по-вятски,
И китаец мне не брат!

31.01.2020

Мартирос Сарьян

Наталья Швец. Мартирос Сарьян: творчество художника стало сокровищем мирового искусства.

Мартирос Сарьян. Творчество этого армянского художника является сокровищем мирового искусства. Картины мастера выставлены во многих музеях мира, находятся в частных коллекциях. Когда в 2010 году отмечалось 130-летие со дня его рождения, Государственная Третьяковская галерея показала всю свою коллекцию работ Мартироса Сергеевича. Кроме того, на выставке были представлены документы и фотографии Сарьяна, его личные письма и переписка с экс-директором ГТГ Игорем Грабарем.

Как известно, в постоянной экспозиции музея находится около 10 полотен художника. Но всего же коллекция насчитывает 67 работ, среди которых живопись, графика, акварель, рисунки. Особое внимание посетителей привлекали сделанные им портреты актёра Николая Мордвинова, композитора Арама Хачатуряна, поэтессы Анны Ахматовой.

Можно было увидеть и те полотна, которые были написаны Сарьяном в 1910—1913 годах. Как известно, в этот период начал складываться его неповторимый стиль, которо-

му потом многие начинающие художники стали подражать. Некоторые из созданных в то время работ были приобретены советом Третьяковской галереи. В списке значится «Зелёный кувшин», «Виноград», «Кувшины и фрукты» и рекомендованное художником Валентином Серовым полотно «Глицинии».

Но особой гордостью Третьяковки считаются эскизы Сарьяна к оперному спектаклю «Алмаст». За его оформление художник был удостоен Сталинской премии.

Армянского художника Мартироса Сарьяна искусствоведы в один голос называют одним из великих художников XX века и выдающимся мастером цвета.

Сам же он говорил так: «Цвет – это истинное чудо! В сочетании с солнечным светом он создаёт внутреннее содержание формы, выражает суть вселенского бытия».

Поэтому полотна Сарьяна поражают яркими, насыщенными красками, развивают новое эстетическое восприятие. Его картины позволяют понять, что искусство не должно быть имитацией реальности. Прежде всего, оно требует свободы воображения и абстрагирования.

К слову, своим главным учителем Мартирос Сарьян всегда считал природу.

Мартирос Сарьян родился 28 февраля 1880 года в городе Новая Нахичевань, близ реки Дон. Его предки были выходцами из древней столицы Армении Ани.

В семье росло девять детей, так что жили Сарьяны доволь-

но трудно и не богато. Но разве можно думать о плохом, когда рядом с тобой любящие родные?

Как он потом сам признается: «Перед глазами всё встало в сиянии солнечного цвета: стройные хлеба попеременно с травами, покрытыми множеством цветов, над которыми реяли пчелы и бабочки. Всё это безудержно влекло к себе. Я, очарованный, вошёл в хлебный строй и окунулся в мир, подобный сновидению. Я долго шёл и, уставши, уснул в кустах хлеба, на земле, как на груди своей матери».

В 1895 году Мартирос Сарьян окончил общеобразовательное армяно-русское городское училище Новой Нахичевани и начал работать в почтовой конторе. А в свободное время перерисовывал картинки из журналов и делал наброски с интересных типажей, которые находил среди посетителей конторы.

Старший брат Ованнес активно поддержал увлечение Мартироса живописью и даже познакомил его со своим приятелем, художником Амаяком Арцатбанияном, который был студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Именно он взялся подготовить Мартироса к вступительным экзаменам.

Вскоре Сарьян становится студентом и параллельно посещает занятия в мастерских Константина Коровина и Валентина Серова. В будущем эти два художника во многом помогут развить ему профессиональные навыки. Как и следует ожидать, поначалу написанные Мартиросом портреты и пей-

зажи не имеют индивидуального почерка. Однако у педагогов нет сомнений – перед ними будущий мастер!

Свой стиль Сарьян обрёл после поездки на Кавказ, совершенной им в 1901-1903-м годах. По словам художника, это были самые трудные годы его жизни – среди пластов академизма и чужих стилей он искал себя. И вот после поездки на родину предков в Ани он «обрёл сказочный мир моего детства».

В это время он создаёт акварельный цикл «Сказки и сны». Некоторые листы экспонировались в 1907 году в Москве на выставке «Голубая роза», где впервые были представлены работы художников-символистов.

К слову, помимо всего Сарьян увлекается фовизмом и импрессионизмом, позитивно отзываясь о приёмах Матисса, Гогена, Сезанна и Ван Гога. Тогда многие художники, особенно молодые, попали под влияние нового направления французской живописи. Однако Мартиросу удалось создать свой стиль, в чём-то близкий средневековым армянским миниатюрам, где взаимодействуют контрастные цвета и простые линии.

Постепенно на смену фантастическим грёзам приходят более реальные, непосредственные наблюдения природы и окружающего мира. А сам Сарьян активно участвует в выставках, организованных журналом «Золотое руно».

У художника явно просыпается интерес к восточной культуре. Он желает познать мир Востока и себя, как его часть.

Для чего и принимает решение отправится путешествовать в Египет, Турцию и Персию.

«У меня была цель – понять Восток, найти характерные его черты, чтобы ещё больше обосновать свои искания в живописи, – писал художник. – Я хотел передать реализм Востока, найти убедительные пути изображения этого мира, ... выявить его новое художественное осмысление».

Итогом поездки станут новые работы, что он выставит на выставке «Московского товарищества художников». Три его картины «Глицинии», «Фруктовая лавочка», «Улица. Полдень» были сразу же приобретены Третьяковской галереей.

Казалось, ничего не может помешать развитию творчества. Но в 1915 году случается трагическое событие в Армении, едва не ставшее причиной гибели художника. «... Я узнал о бедах, вновь павших на долю Армении. Бросил всё и уехал на родину. В Эчмиадзине и вокруг него я встретил толпы людей, бежавших от геноцида из Турецкой Армении... На моих глазах умирали люди, а я почти ничем не мог им помочь... Я тяжело заболел, меня увезли в Тифлис с явными признаками глубокого душевного расстройства», признается он позже.

Тифлис станет памятным местом в биографии мастера. Вместе с другими армянскими живописцами Егише Тадевосяном, Вардгесом Суренянцем, Фаносом Терлемезяном он основывает там «Товарищество армянских художников»

и создаёт его эмблему.

Кроме того, в Тифлисе он встречает свою судьбу. Прелестную Лусик, дочь армянского писателя и педагога Газароса Агаяна. Вскоре они женятся. У супругов рождается сын Саркис, в будущем известный литературовед. Затем появляется второй сын – Газарос. Судьба уготовила ему путь композитора...

В 1921 году семья художника по приглашению председателя Совета народных комиссаров Армении Александра Мясникяна переезжает в Армению, где Сарьян организует Государственный музей археологии, этнографии и изобразительного искусства. Кроме того, он участвует в создании Ереванского художественного училища и Товарищества работников изобразительного искусства.

А в 1922 году ему дают задание придумать герб и флаг Советской Армении. Так что тот герб, который на протяжении десятилетий украшал все государственные учреждения республики, был создан по эскизам Мартироса Сарьяна. Художник находится на пике своего творчества и много выставляется.

В конце 1925 года за международный художественный успех Мартиросу Сарьяну было присвоено звание Народного художника Армении и у него появляется возможность поехать за границу. Он выбирает Париж, где давно хотел побывать.

С 1926 по 1928 год художник живёт и работает в Париже,

дважды участвует в выставках русского и армянского искусства. Но самый большой успех его ожидает на персональной выставке, открывшейся в январе 1928 года в салоне Ш.-О. Жирара.

Текст к каталогу выставки написал известный критик Луи Воксель. Экспонировалось около сорока картин, созданных художником в Париже. Практически все они имели армянскую тематику. Лишь в нескольких этюдах он рисует набережные Сены, Марны, делает виды из своей мастерской.

Свой экзамен перед Европой художник выдержал с честью. Критики в восторге, что довольно редко для Парижа.

К сожалению, все представленные тогда работы сгорели при пожаре на корабле «Фиржи» во время возвращения в Армению. Уцелели только те картины, которые были проданы в Париже и несколько этюдов, которые Сарьян вёз с собой. Среди них «Гегамские горы», «К роднику», «На Марне», «Из окна мастерской», «Газели».

30-е годы приготовили для Сарьяна новые испытания. Государственная политика давления на деятелей культуры, обвинение работ художника в излишней декоративности и «попроке идеалистического мировоззрения» значительно ущемили его свободу творчества.

В свою очередь Сарьян также показывает свой характер. Когда от него требуют создать портрет вождя страны Сталина отвечает, что привык писать с натуры. Как известно, Сталин никогда не позировал художникам...

В 1937 году были сожжены созданные Сарьяном 12 портретов передовых армянских государственных деятелей и представителей интеллигенции, объявленных «врагами народа». Но один из этих портретов, спрятанный работниками музея, уцелел. Это портрет поэта Егише Чаренца.

Самому Сарьяну избежать репрессий удалось лишь благодаря тому, что в это время он работал в мастерской Третьяковской галереи над масштабным панно площадью 46 кв. метров для оформления павильона выставки советского искусства в Париже. Позже это полотно было удостоено Гран-при.

В 1939 году художник создаёт ещё одно большое панно для армянского павильона сельскохозяйственной выставки в Москве. Обязательный портрет Сталина не фигурировал в огромном пейзаже Армении. Устроителям пришлось устанавливать скульптуру Сталина на фоне сарьяновского панно.

Лишь в годы Великой Отечественной войны Сарьян получает некоторую свободу творчества. Он создаёт серию прекрасных портретов деятелей культуры и безумно переживает о младшем сыне, который ушёл на фронт... А когда сын вернулся, создаёт своё самое большое полотно в жанре натюрморта «Армянам – бойцам Великой Отечественной войны».

В 1947 году была создана Академия художеств СССР и Сарьян избирается действительным её членом. Казалось, ничего больше не должно тревожить художника, но его вдруг обвиняют в формализме...

В порыве отчаяния он разрезал один из своих лучших холстов 1910-х годов – «Большой восточный натюрморт». Если бы не молодые художники, которые всегда находились рядом с ним, неизвестно чем бы все закончилось. Ученики вырвали из его руки куски холста, картину потом восстановили, но рубцы остались.

Лишь с приходом оттепели Сарьян смог немного вздохнуть и вновь начать творить с прежним вдохновением. Он снова ездит по Армении, рисует великолепные пейзажи, любимый Арарат в сеянии солнца. Все картины были объединены в цикл «Моя Родина», за который в 1961 году ему дали Ленинскую премию.

В 1965 году широко отмечался 85-летний юбилей художника, состоялись его персональные выставки в Москве и Ереване. Мастер был удостоен звания Героя Социалистического Труда. На киностудии «Арменфильм» был создан фильм «Мартирос Сарьян» (режиссёр – Лаэрт Вагаршян, автор текста – Илья Эренбург).

В 1966-м Сарьян получил Государственную премию Армянской ССР. Вышла в свет книга мемуаров художника «Из моей жизни», изданная потом на четырёх языках.

В ноябре 1967 года в Ереване открылся Дом-музей Мартироса Сарьяна. Персональные выставки художника состоялись в Румынии, Чехословакии, Венгрии, ГДР. В 1971—1972 годах Сарьян создаёт свою последнюю серию рисунков фломастером...

Мартирос Сарьян умер в 5 мая 1972 года в Ереване в возрасте 92-х лет. Его могила находится в пантеоне парка имени Комитаса.

Главный учитель – природа

Увлечение живописью

Свой стиль

Интерес к восточной культуре

Тифлис

Народный художник Армении

Париж

Новые испытания

В порыве отчаяния

Возвращение к творчеству

Диалог Луны и Поэта

Алексей Воднев

– Привет, полночный пилигрим!
Бродить во тьме тебе не жутко?
Ты задержись, хоть на минутку,
Давай с тобой поговорим!

– Привет, Луна моя родная!
Твоим я светом заморожен.
И вечером, когда гуляю,
Тобой люблюсь осторожно...

– Что ищешь ты в ночной тиши?
Смотрю, одет не по погоде.
Холодный ветер нынче в моде.
Не остудил бы он души!

– Спокойствия ищу в прогулке,
И в непогоде нет преград.
Под светом лунным, не в шкатулке,
В тиши ночной – души парад!

– Я замечала с высоты,
Твой взор, что часто полон грусти.
Давай вдвоём её отпустим!

Ты лишь поведай мне мечты.

– Луна, заметила ты это верно;
Да, грусть во мне всегда живет.
Но лунный свет- совсем не скверно,
А под тобой в душе полет...

Грустить, Луна, мне так привычно,
А взгляд унылый- от проблем;
И Минск ночной звучит лирично,
С тобой вдвоём не видно стен.

– Взамен открою я секрет:
Мне тоже в небе одиноко.
Порой грустит Ночное Око
О чём? Ты знаешь ведь, Поэт!

Как не грустить? Ведь я одна!
Стихов мне много посвящали,
Но сколько было в них печали,
Разлуки, выпитой до дна!

– Да, догадался о секрете:
И в этом схожа ты со мной!
Ведь одиночества на свете
Так много. Но не мне с тобой...

И я писал тебе стихи;
Они просты, не величавы...

Ну, как стихи, одни штрихи,
Но впереди большие главы.

– Приятно знать, что обо мне
Ещё поэты пишут строки.
Законы Космоса жестоки,
Но ты со мной наедине!

Я подарю тебе свой луч.
Пиши им лунные сонеты!
И будут пусть они согреты
Твоей душой без хмурых туч!

– Иль на мосту, иль в дальнем сквере
Я на тебя всегда смотрю!
С тобой я укрепляюсь в вере,
Не вижу ночью – не парю.

Благодарю тебя за встречу;
Поклон за честный разговор!
Но время очень быстротечно,
Пора входить в Морфея бор.

©#Александр_Голубенко & ... #А_Морозов ... — —> ...~ М ~...

Вернитесь, дни былые

Наталия Варская

Я отпрыск фамилии знатной.
Когда-то все предки мои,
Губернские аристократы,
Знавали прекрасные дни.

И с памятью этой фамильной
Живу я в сегодняшний век.
Регалий уж нет, но под пылью
Стоит очень древний буфет.

Достался он от прапрапрабабки
И смотрит с укором немым:
«Ты, сударь, работаешь в лавке
Каким-то курьером вторым.

Где гордость твоя родовая?
Скатился на самое дно!
А я за тобой, наблюдая,
Рассохся и сник, как бревно».

О, эти буфетовы стоны
Нельзя от себя отшвырнуть!
Хотелось бы мне по закону

Былое величье вернуть,

Вернуть родовые поместья,
И имя свое при дворе,
Но нет уж двора, как ни бейся,
А я в этой жалкой дыре...

Жена, возвратившись с базара,
Сказала: «Витаешь опять?»
И хлеб из буфета достала,
С ворчаньем: «Пожалуйте жрать!»

Цветы запоздалые

Наталия Варская

«Я люблю вас, доктор!» – эту фразу
Говорю теперь всем докторам.
Только не сработало ни разу,
Знать им совершенно не до дам.

Вот когда я Чехова читала,
Там хотя был доктор и сухарь,
Но любовь в конце концов достала,
Правда поздновато, очень жаль.

Чехов ироничен даже в драме.
Так описан каждый персонаж,
Что ты видишь всё, как на экране:
Шляпки, платья, трости, экипаж,

Брата героини, его даму —
Вздорную Калерию, их быт.
Автор очень точно, как программу,
Вычислил, чем дышит индивид:

Страсти, эгоизм, наивность, чувства,
Жадность, глупость, злость и доброту
Показал, и в ранг возвёл искусства

Бытовую, с виду, простоту.

И хотя довольно здесь печали —
Ироничность выше и мудрей.

Да, цветы, конечно, запоздали,

Но в душе становится светлей.

Чехов. Люблю, высоко почитаю!

Наталия Варская

Чехов. Люблю, высоко почитаю!
Он мой учитель. Он – жизненный пласт.
С детства читаю его и читаю.
Чехова вспомнить хочу я. Для вас.

Чехов. Рассказ называется «Тина».
Хитрая дама, обставила всех.
Да, не один благородный мужчина
Вышел от дамы, как щипаный мех.

«Цветы запоздалые» – поздние слёзы.
«Доктор, по моему я вас люблю!»
Доктор очнулся достаточно поздно.
Жаль. Что поделаешь. Слёз я не лью.

Умная женщина стёрла «Хористку» —
Мужа любовницу, как в порошок.
Светская дама достаточно быстро
Девку обставила. Это был шок!

Доктор «Ионыч», задушен мещанством.
Грудой банальностей, серой средой,
Мелкой вознёй, объеданием, пьянством.

Рвался – не вырвался. Знать, не герой.

Как пресмыкаются граждане в «Маске»!

Жалкое зрелище, не описать!

Не опознали сначала. К развязке

Поняли – шишка и ну целовать.

Милая «Душечка» – женское счастье.

Рядом с мужчинами вся не своя.

В них растворяясь, всецело во власти,

Вся в унисон, без раздумий любя.

Что для меня и волшебно, и странно:

Все персонажи живут и сейчас.

Я лишь коснулась слегка океана,

А океан этот – Чехов. Для нас!

Фольклор

Наталия Варская

Культур-мультиур, базар-вокзал.
Аз есмь министр! Кто что сказал?
Молчать, когда я говорю,
Я возражений не терплю!

Культура, это вам не шмон,
Садитесь только в свой вагон.
Итак, к фольклору мой посыл,
Ведь всё на нём, он есть и был.

Фольклор – основа всех основ.
Вот мой приказ без лишних слов:
Освойте феню, господа,
Без фени нынче никуда.

Весь бизнес держится на ней,
Она всех языков родней,
А главное – её никак
Понять не сможет всякий враг.

Культура – важный элемент,
А феня – мощный инструмент.
Чтоб знали феню на зубок!

А то кричат: «Матис, Ван Гог,»

Балет – малет, кино-вино,
Играйте лучше в домино.
К народу ближе быть пора,
Чем пальцы гнуть про Моруа.

Итак, жду вас через два дня,
Споёте «Мурку» у меня.
Да ладно, я шучу-мучу.
Всех быстро фене обучу.

Соседний дом

Николай Будаев

Смотрю я на окна соседнего дома,
Где всё мне понятно, до боли знакомо...
Вон свет зажигает влюбленная пара,
Им ночи для страсти становится мало...

В квартире напротив всегда ожиданье,
Там бабушка Клава одна без вниманья.
В тоске проживает свой старческий век,
Кому интересны проблемы калек?..

Все дети разъехались очень давно,
Понять душу матери им не дано.
Шумит, опираясь на грубый костыль,
А утром опять поспешит в монастырь...

Чтоб свечку поставить за черствых детей,
Чтоб Бог её слёзы донёс поскорей.
Чтоб лица увидеть при жизни разок,
Сказать напоследок: «Дочка, сынок!»

Смотрю я на окна соседнего дома,
Где чья-то судьба мне мерещится снова.
Где тайны не скрыты от яркого света,

Где столько вопросов и нету ответа...

29.01.2020

Леди Моль

Оксана Чернышова

А я никто, пустое место,
Среди назойливых дождей,
В бездушном мире стало тесно,
Среди непрошенных гостей

А я никто, я пыль из книги,
Не состоявшихся томов,
Мне чёрно-белым, бело-синим,
Пером по пеплу из стихов

А я никто, колючий кактус,
Я обхожусь и без воды,
Я превращу бумагу в лакмус,
Без выдающейся красы,

А я никто, сухая рыба,
Не вялена и без хребта,
Меня ни к празднику, ни к пиву,
Без головы и без хвоста

А я никто, я просто минус,
Из цифры «игрек», сразу в ноль,
Вы позовёте – не откликнусь,

В шкафу на полке Леди моль...

Ушла

Оксана Чернышова

Ушла... А ты и не заметил,
И растворившись в темноте
Меня не встретишь на рассвете,
И не услышишь в тишине

Я не злорадствую, ни сколько,
Я без упрёка ухожу,
Тебя любила я настолько,
Тобой я всё ещё дышу

И пусть тебя не потревожит,
Не ляжет призрачная тень,
Я растворюсь среди прохожих,
В печальный сУетливый день

Ты смотришь вслед, не провожая,
Не ждёшь меня по вечерам,
Я стала вдруг тебе чужая,
Меня нет завтра и вчера...

Тяжела ты, лампа Аладдина

Наталия Варская

Тяжела ты, лампа Аладдина,
И с Хоттабычем сосуд тяжёл.
Размышлял я муторно и длинно,
К оптимальной мысли не пришёл.

Что мне загадать, какое чудо?
Ведь желаний море есть в душе.
Денег я просить, пожалуй, буду.
Только сколько? Я вспотел уже.

Хочется всего, всего и много!
Жадность обуяла и размах.
Может быть отправиться в дорогу,
На волшебных алых парусах?

Вот чего мне в жизни не хватает?
Искренней и преданной любви!
Пусть она меня не покидает.
Времени всё меньше. Раз, два, три.

Брат вошёл, спросил: «О чём ты шепчешь?
Нравится мой новенький кальян?»
На душе мне стало сразу легче.

К чёрту все желания! Я пьян!

Не согрет Алексей Воднев

Приду домой,
Тебя здесь нет;
О, Боже мой,
Холодный свет;
И сам с собой
На склоне лет
Хромой, чужой
В огне побед.
Прильну к стене.
Где тот ответ?
Придет извне?
Конечно, бред.
Зачем домой?
К кому хромой?
Я сам с собой,
Внутри пустой.
Приду домой,
Любви здесь нет!
Совсем чужой,
Вновь не согрет.

Смекалистый мужик

Наталия Варская

Жил-был смекалистый мужик. Он всегда нос держал по ветру и заметил новое веяние раньше других соседей. Написал он объявление, будто является изобретателем уникального аппарата, который в миг определяет, в ком есть дворянская кровь, а в ком нет. Увидели объявление муж и жена Автайкины. Жена говорит:

– Пойдём-ка, выясним, вдруг, мы графьями окажемся.

Заходят они в квартиру смекалистого мужика, он им поднос бутылку какую-то суёт:

– Дышите! – говорит.

Дунул в бутылку муж, дунула жена. Мужик бутылку к свету подносит и говорит:

– Поздравляю, вы оба дворяне, с вас 1000 рублей.

Обрадовались супруги, тысячу отдали, спрашивают:

– А бумагу об этом факте можете выдать?

Мужик:

– Отчего нельзя? Пожалуйста!

И написал на тетрадном листке корявым почерком: «Автайкины – дворяне. Проверено на аппарате Кузина». И подпись свою поставил.

Идут Автайкины домой, радуются. Всем соседям бумагу

показали, даже гостей пригласили своё дворянство отметить. Все Автайкиным завидуют. Жена Тишкина говорит мужу:

– Срочно пойдем и такую бумагу раздобудем!

Муж отмахивается:

– Охота тебе тыщу тратить!? Какая разница: графья-не графья? Не при царском режиме живём!

А Тишкина не унимается:

– Ну ты и лапотъ необразованный! Только футбол смотришь. Давно уже все уважаемые люди – дворяне! Даже короли, императрицы и прочие высокоблагородия. Мне уже без дворянства и на люди показаться стыдно!

Пришлось Тишкину к Кузину тащиться. Подышали Тишкины в бутылку и получили справку, что они дворяне.

К мужику стала выстраиваться очередь с самого утра.

Вскоре он купил новенькие «Жигули» и плазму.

Однажды пришёл к нему за справкой Бузилёв. Бузилёва мужик Кузин давно не любил – подрались даже как-то в молодости. Подышал Бузилёв в бутылку, а Кузин говорит:

– Не дворянин ты, Бузилёв! И написал на листке: «Дворянской крови не обнаружено».

Бузилёв шёл домой, как побитый. Все дворяне, даже баба Нюра из 17-й квартиры, а он один не из графьёв. Теперь и в обществе показаться будет стыдно.

Я так устал...

Евгений Витальевич Ставровский

Я так устал... от мелочных интриг,
От непрозренья к свету, от потёмок,
От криков совести и от душевных ломок —
Устал, как древний, сгорбленный старик.

Я парусов не вижу над собой,
А если бы и были — где мой ветер?
Видать, не только я на белом свете
Устал со штилем ввязываться в бой...

Вокруг я вижу лица — сотни лиц! —
Скрывающих такую же усталость.
Им, как и мне, всего то и осталось,
Что лишь укрыться в шелесте страниц.

Соврёт последний лист календаря —
Под ним ещё один... (улыбка Бога)...
Я так устал! — и много, и немного —
Читая даты, плакать втихаря...

Я так устал от болей и утрат,
И от ножей, укрытых за спиною,
Устал от бед, плетущихся за мною...

Но от себя – сильнее во сто крат...

28.01.2020 г.

Я звёзды считаю

Евгений Витальевич Ставровский

Я небо от мыслей спасаю
Своих нехороших,
Нещадно их жгу и кромсаю,
Чем дальше – тем горше...

Я небом не просто люблюсь —
Я звёзды считаю,
Я с ними как-будто целуюсь,
Я с ними летаю!

Я в сепию краски сгущаю —
И света, и мрака,
А после в цветах возвращаю
На круг Зодиака.

Я с неба, среди невезучих,
Был свергнут однажды,
Чтоб светлым, на крыльях могучих,
Вернуться туда же.

28.01.2020 г.

Харон

Дмитрий Никитин

Эпизод 1.

Эпизод 2.

Эпизод 3.

– Давно женаты? – спросил пожилой таксист у пассажира, указывая взглядом на обручальное кольцо.

– Одиннадцатый год пошёл. Две дочки красавицы. – улыбнулся пассажир – мужчина лет пятидесяти одетый в дорогой костюм бледно-розового цвета.

– И что, никогда не изменяли?

Пассажир удивлённо поднял кверху брови.

– Да ладно вам. Чисто мужской трёп. Мы же с вами вдвоём.

Несколько минут в салоне стояла тишина. Чёрная Волга с шашечкой «Taxi» стремительно ехала по утреннему шоссе, уверенно обгоняя другие автомобили. На улице моросило, поэтому по лобовому стеклу «махали» дворники.

– Если честно, то было пару раз. И знаете с кем впервые?

– С кем?

– С женой лучшего друга. Он в командировке был, а моя в роддоме с первой дочкой лежала на сохранении. Я, если

честно, давно хотел её. А тут случай подвернулся. Подробности, конечно, не скажу..

– А вы знаете, что в Библии говорится? Не возжелай жены ближнего своего. Грех это!

– Я не на исповеди же! Лучше следите за дорогой! И вообще, вам нет разницы до того, когда и с кем я изменял своей жене.

Водитель ухмыльнулся и нажал на газ.

– Если говорить до конца, – продолжил через минуту пассажир, – то моя женушка тоже не святая. И у меня рога может подлиннее будут! Так что, мы с ней квиты.

– Ей ещё рано отвечать за грехи свои. А вот вам скоро предстоит.

– Не понял вас? А зачем вы свернули? Нам же прямо!

Пассажир был явно встревожен и заерзал на месте.

– Не волнуйтесь. Мы в объезд. Так быстрее доедем. Может, сменим тему. Лучше расскажите мне, чем вы занимаетесь. Судя по дорожному костюму и золотым часам, вы не привыкли ездить на такси.

– Послушайте! Что вы всю дорогу ко мне в душу лезете?! Я что, на допросе? Лучше остановитесь, я пешком дойду.

– Да нет у вас души. А допрос... Он вам скоро предстоит. Совсем скоро. Кстати, мы приехали. Театр на Таганке. Сегодня говорят «Гамлет» будет?

Пропустив вопрос мимо ушей, пассажир вздохнул с облегчением и, расплатившись, вышел из автомобиля. Ему

вдруг стало не по себе. Стало тяжело дышать, а на лбу появились капли пота.

Возле самого входа в театр к нему подошли двое. Оба в чёрных строгих костюмах и чёрных шляпах.

– Фисов Кирилл Сергеевич?

– С кем имею честь? Я спешу! Поэтому говорите скорее!

– Разрешите представится, Азазель. А это мой напарник Абаддон. Мы – Судебные приставы. – представился тот, что помоложе и снял шляпу. Под ней Кирилл Сергеевич с ужасом увидел рога и схватившись за сердце, пошатнулся. Но крепкие руки Абаддона не дали ему упасть.

– Ну что вы голубчик, никогда Демонов не видели. Впрочем, ещё налюбуетесь.

Абаддон свиснул за-за угла показалась чёрная карета с тройкой лошадей.

– Ну что, поехали. На Суд никак нельзя опаздывать!

Молодой человек, одетый в клетчатую рубашку и потертые джинсы, вышел из «Сбербанка». В одной руке он держал кейс, во второй мобильный телефон, который держал возле правого уха.

– Да, да! Я снял необходимую сумму. Да не волнуйтесь вы! Все будет хорошо! До свидания!

Не успел он положить телефон в карман, как тот снова «ожил».

– Алло! Да, это я. Не понимаю вас. Кто это?!

Увлеченный разговором, человек с кейсом вышел

на оживленную трассу. Ему тут же засигналили проезжающие под носом автомобили, но тот словно не слышал их.

В какой-то момент послышался визг тормозов и красная» Ауди», ломая человеческие кости, врезалась в него всем своим весом и потащила за собой верхом на капоте.

Очнулся он оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо. Перед ним стоял старик с рыжей густой бородой.

– Вставай давай! Ишь, разлегся тут!

Поднявшись, молодой человек сел на асфальт и оглянулся. Он находился посреди дороги, окруженный толпой зевак. Где-то совсем рядом выла сирена. Жутко кружилась голова и тошнило. Рубашка была грязной а джинсы на коленях были рваные.

– Меня, что, сбили? – обратился он к старику.

– Сам виноват. Нечего было под колеса лезть. Но теперь что говорить то. Поздно. Давай, лучше я помогу тебе встать.

Старик протянул ему руку и помог встать.

– Садись, я тебя подвезу. Кейс твой у меня на заднем сиденье.

Старик открыл перед ним дверцу чёрной Волги с шашечкой на крыше и молодой человек сел в салон.

– Куда едем?

– Мне нужно срочно в офис. Там и переоденусь.

Не спрашивая адреса, таксист взял рацию.

– Это шестой. У меня новый пассажир. Через несколько минут буду на «Лермонтова 25».

Ему не ответили, но старик положил рацию на место и тронулся с места.

– Да не удивляйтесь вы так. Я вас по телевизору видел и знаю, где ваш офис. Вы же Свердлов Тимофей Сергеевич. Меценат. У вас свой фонд помощи больным детям.

– Не знал, что настолько популярен. Стараюсь все делать по-тихому. Хотя, журналисты они такие.

– Не скромничайте. Благое дело делаете. Вам это зачтется. Рад, что познакомился с вами. Жаль только, что так рано.

– Почему это рано?

– Ну как... Вам же только тридцать четыре. Столько добрых дел могли бы ещё сделать. Вы, кстати, слышал, новый храм начали возводить.

– Я не понимаю Вас. Вы говорите загадками.

– Сейчас поймёте. Мы приехали. Прощайте Тимофей Сергеевич. Не забудьте кейс взять. Мне чужое не надо.

Возле офиса к нему подошли двое. Одеты они были странно: в белые плащи и босиком.

– Здравствуйте. Мы за вами.

– За мной?

– Мы из Суда. Меня зовут архангел Михаил. А это архангел Гавриил.

– Как это архангел?

Меценат поставил на асфальт кейс с деньгами. До него дошёл смысл разговора с таксистом.

– Я что уже...?

– К сожалению! И нам уже пора!

Архангелы скинули с себя плащи и расправили большие, белые крылья. Затем Тимофея крепко взяли под локти и он почувствовал, как его ноги стали отрываться от земли.

Громко посигналив им вслед, внизу тронулась с места чёрная Волга.

Наслаждаясь запахом свежей шаурмы, старик – водитель чёрной Волги собирался пообедать, когда дверца открылась и рядом с ним плюхнулся мальчик, лет десяти. На нем была белая пижама, а на ногах тапочки. Улыбаясь, мальчик протянул таксисту мятую купюру.

– Мальчик, ты ошибся. Я никуда не еду!

– Почему? Меня там папа ждёт.

– Подождет твой папа. А сейчас к маме беги! Ну же! Беги к М-А-М-Е! – «Крикнул старик так громко, что мальчик заплакал и вышел прочь.

– Ещё разряд!

Доктор поднёс к груди мальчика дефибрилятор и тело, получив очередную порцию тока, дёрнулось.

– Ну же, давай. Ещё разряд!

– Есть! Он жив! – крикнула медсестра-реаниматолог, глядя на аппарат ЭКГ.

– Ну, слава богу!

Вздохнул доктор и вытер рукавом пол со лба.

– Теперь все будет в порядке!

Дом напротив Наталия Варская

В доме напротив окна зажглись,
За каждым находится целая жизнь:
Встречи, прощания, слёзы и смех.
Взгляд мой скользнул по карнизу наверх,

Вижу – старушка сидит у окна.
Эта старушка всё время одна,
Рано ложится и рано встаёт,
Больше в квартире никто не живёт.

Славилась дама своей красотой,
Все называла её роковой,
Слали букеты прекрасных цветов
Вместе с конфетами разных сортов.

Даму однажды умчало авто,
Кто за рулём был – не знает никто.
Окна дремали четырнадцать лет,
Было понятно, что жизни в них нет.

Существование дамы забылось,
Только однажды она возвратилась:
Жалкая, вовсе уже не нарядна,

Видимо, жизнь потрепала изрядно.

Время летело, и стала старушкой
Та, что была интересной игрушкой.
В доме напротив сидит у окна,
Даже по праздникам вечно одна.

Это один из возможных сюжетов.
Сотни окошек, где есть много света,
Детские крики, и смех, и веселье,
Пары влюблённые, пьянки, похмелье,

Двойки, пятерки, зарплаты, подарки...
Очень старушку несчастную жалко.
Окна безмолвствуют, тайны хранят,
Вставши в один нескончаемый ряд.

Блокадный Ленинград

М. Зонтикова

Что знаем мы?
Рожденные чуть позже,
Не нюхавшие пороха войны!
Не знаем мы, а помнить можем,
Не можем, а обязаны! Должны!

Как те девчонки и безусые мальчишки,
Что грудью встали на защиту всей страны!
Вчера, сидевшие за партой и за книжкой, —
Сегодня воины – защитники они!

Война идёт! Враг наступает!
И взят в осаду Ленинград!
Мы не сдадимся, враг узнает!
Куют победу стар и млад!

Не остановит смерть и голод!
Не сдастся славный Ленинград!
Прорвут кольцо осады в город.
Не взят измором милый град!

Всё выстоять народ сумел;
Лишенья, смерть, разруху, голод!

Но сдаться прав он не имел!
И отстоял любимый город!

27.01.20.

Сидели мы с подругой в ресторане

Наталия Варская

Сидели мы с подругой в ресторане
И ели диетический омлет.
Сюда мы заходили после бани
В неделю раз, в течение трёх лет.

Порассуждали о литературе,
О кризисе духовном, о кино,
О моде, о диетах, о фигуре.
Пора домой, за окнами темно.

Но тут к нам подошёл один мужчина,
И с разрешения присел за стол.
Сказал он нам, что есть на то причина
И будет интересный разговор.

Он говорил с пронзительной харизмой,
Хотелось его слушать вновь и вновь,
Звучали нотки ретро романтизма,
Красивые цитаты про любовь.

Он заказал бутылку Реми Мартин,
Десерт фруктовый, горький шоколад.
О, Боже, как он щедр и нестандартен!

Меж мною и подругой зрел разлад...

Он вышел покурить и освежиться.
Не сразу поняли: исчез наш визави.
И расплатившись за себя и принца,
Мы шли домой без денег и любви.

Арнольд

Наталия Варская

Арнольд не мог жить без мата. Угораздило же родителей такое имя придумать! Можно было бы и поменять, да хлопот с документами много, а хлопотать Арнольд очень не любил. И Шварценеггер тут никак не выручит, у нас имя Арнольд совершенно другой образ диктует.

Услышав такое имя, все думают, что мужчина непременно интеллигент в очках и шляпе. Но нет! Арнольду это претило, хотелось быть мужиком, а не кисейной барышней. И вот тут-то очень выручал мат. Ругнётся он, бывало, и все мысли об интеллигентности у собеседника тут же пропадали.

А без мата он что? Ничто! Сложения Арнольд был не атлетического, заниматься спортом ленился, одно оставалось – зычный голос и мат.

Случалось иногда бывать в местах, где матом совсем не поговоришь: учреждения разные, кабинет начальника. В таких местах Арнольд чувствовал себя совершенно беззащитным и будто даже голым.

А когда появились социальные сети, там уж вообще без мата ты не человек. Напишет, бывало, Арнольд комментарий матом и сразу к нему повышенное внимание, особенно

от женщин:

– Вы не могли бы обойтись без нецензурных выражений?

– Как вам не стыдно, вы здесь не на вокзале!

– Прекратите выражаться!

И можно было вступить в диалоги, весь запас матерных слов применить. А запас этот у Арнольда был большим, благодаря отчиму, спасибо ему.

Кто бы Арнольда без мата заметил? Стихов он не сочинял, юмором обладал очень специфическим.

А его имя вообще могло нарисовать слащавого, тщедушного очкарика в шляпе. Нет, конечно, человек с именем Арнольд мог быть весь в костюмах, при галстукe и даже с микрофоном, но такой господин не писал бы никому никаких комментариев.

Так что мат для Арнольда был единственной возможностью чувствовать себя не тварью дрожащей, а человеком, имеющим право на самовыражение.

Жизни отдавали Алексей Воднев

Им было страшно, но сражались;
Девчата, парни кровью умывались!
В ранениях телесных не ломались,
Стеной стояли, бились и сражались!

За Родину огромную стеной стояли,
В пути начальном жизни отдавали!
Ложились с болью, вовсе не вставали;
Кровоточили, голодали, защищали!

©... #A_Морозов ... —» ... ~ М ~...

Я фаталист и эзотерик

Наталия Варская

Я фаталист и эзотерик.
Не надо открывать Америк
И Конституцию писать,
И править, и переправлять.

Не в ней вообще, ребята, дело.
Вам это всё не надоело?
Хотите ль вы, иль не хотите,
Но всех несёт нас «рок событий».

Как звёзды скажут, так и будет,
А время нас потом рассудит.
Я б внёс поправку лишь о том,
Что все параграфы – фантом.

На спиритическом сеансе
Спросил Петра о ренессансе,
И получил ответ такой:
«Россию век ждёт золотой».

Вот потому я и спокоен,
Любой закон как ни был б скроен,
А он ничто против судьбы,

А потому расправьте лбы,

Читайте лучше гороскопы
На удивленье всей Европы,
Пусть не устанут повторять:
«Умом Россию не понять!»

Как искал я источник добра

Наталия Варская

Как искал я источник добра!
Для себя, не для всякого сброда.
Под стремительным светом от бра
Я над книгой сидел с бутербродом.

Просмотрел очень много я книг,
Ни в одной про источник ни слова.
Вдруг вошёл незнакомый старик,
И сказал: «Ну, мыслитель, здорово!

Для себя, говоришь, ты искал
Этот самый заветный источник,
Сбродом всех остальных называл?
Как-то начал ты, парень, не очень.

Твой источник в тебе же самом,
Но его засорил ты изрядно.
Я не добрый и сказочный гном,
Потому говорю заурядно:

Очищай то, что скрыто в тебе
Неподдельным сочувствием к людям,
Не найдёшь ты секретов нигде,

Все ответы – в тебе. Да так будет!»

Поближе к искусству

Наталия Варская

Роман давно привык считать себя творческой личностью. Нет, он не писал стихов, не играл на музыкальных инструментах, не пел, не танцевал и не писал картин, но всем сердцем чувствовал, что является натурой тонкой и эстетической.

Окружающие люди тоже считали Романа человеком искусства, так как молодой человек нигде не работал.

Выглядел Роман подобающим образом: одевался не так, как все, а с оригинальностью: яркие шарфы, шейные платки и прочие элементы, присущие людям особым, обладающим хорошим вкусом.

В компаниях Роман себя не выпячивал, но всегда привлекал внимание многозначительным молчанием и задумчивостью. О нём говорили:

– Ромка – парень творческий, потому и странный такой.

Жил Роман на средства родителей, и неплохо жил, так как родители были людьми не бедными. И вот нашли родители сыну невесту, девушку приличную, образованную, при профессии. И тут Роман заартачился:

– Не могу я жениться без любви! У меня есть девушка.

– Знаем мы твою девушку! Не пара она тебе – простая

парикмахерша. – говорили родители. Но Роман поступил по своему и женился на Людочке.

Делать нечего, купили родители молодым квартиру, но с невесткой общались постольку-поскольку.

Через несколько месяцев Людочка спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.